

От повести «Ночевала тучка золотая» ничего особенного я не ждала, хотя слышала: «Нужно прочитать!» Сейчас столько нужно прочитать! Но взяла журнал «Знамя», чтобы полистать эту самую «Тучку», и с первых же страниц меня захватил ее мир—горестный, даже трагический мир военного, голодного и бездомного детства. Мир кровавой жестокости, любви и самоотверженности. Мир, в котором человек один выстоять не может... Повесть — о необходимости человеческого единения, братства, о том, что даже в самых невыносимых условиях человек способен на безграничное благородство.

И вот я беседую с писателем Анатолием ПРИСТАВКИНЫМ.

— Прежде всего хочу сказать: по этой повести будет снят фильм. Из десятка режиссеров, которые хотели экранизировать «Тучку», я выбрал ингуша Саламбека Мамилова. Он мальчишкой пережил репрессии, и все это через кожу, через кровь в сердце его вошло. Он помнит, как переселяли народы. Одних везли на север, других—на юг, но все мы были дети одной беды, одного несчастья, которое породилось этой передвижкой, осуществляющейся по верховной воле одного человека.

— Может быть, это не все знают, ведь до последнего времени просто многое замалчивалось...

— Да, многое скрывалось. Указы были засекречены. Сталина ничто не останавливало. Это был, видимо, человек какой-то определенной зловещей идеи. До конца его действия понять нельзя, на мой взгляд. Но передвижка целых народов — это, по-моему, особый образ насилия над человеком. Репрессированных мы возвращаем посмертно к жизни, реабилитируем их память, а с народами, которые пострадали от таких мощных передвижек, сложнее...

Один из результатов передвижки—и судьба крымских татар... Я знаю, что, когда десятком лет раньше татары как-то просачивались в Крым, их обвиняли в нарушении права на жительство, хотя в Советском Союзе любой гражданин может приобрести дом в любом месте. Но для людей татарской национальности в Крыму тогда установили особый паспортный режим...

О подобных фактах у нас не сообщали... Необходимо теперь бережно, тщательно, терпеливо разбираться с такими вопросами. И тут никак не обойтись без общественности. Кулуарно решать нельзя ничего, тем более столь запутанные вопросы, как национальные...

— Об этом писала недавно «Умсомолка». О том, что местные власти делают сейчас немало для решения проблемы крымских татар. О том, что да, были среди крымских татар в годы войны и предатели, и изменники, но мало кто знает, сколько их сражалось и в крымских партизанских отрядах...

— Мало кто у нас знает, что среди самых отважных подпольщиков-партизан в Крыму были и татары, местные. Есть свидетельства того, что на них огульно сваливали и вину военачальников за плохую организацию боевых действий в Крыму.

Или вот разве это не дикость — я об этом десятки писем получил в свое время,—что в Узбекистане закрывали мешками памятники Ленину, заслоняли их машинами, чтобы помешать живущим здесь крымским татарам подойти к ним с цветами в день своей автономии,—оказывается, у них такая традиция сложилась. И что самое тяжелое — местное население, которое уже давно живет рядом с татарами и считает их своими, кем-то против них настроивалось...

— Опубликовано сообщение государственной комиссии, рассмотревшей заявления, поступившие от граждан этой национальности. Многие учтено, многое уже делается...

— Да. А вот те, кто разжигает национальную вражду, распространяет вымыслы,—пытаются использовать те же методы, что и в прошлом. И есть подстрекатели, которые сейчас намеренно стараются усилить национальную рознь, чтобы увести наше общество в сторону от разумного решения кардинальных проблем, от перестройки и демократизации...

— Я хочу напомнить вам одну из самых сильных страниц вашей повести. Когда Колька везет своего распятого брата Сач-

ку. Его монолог потрясает благородством:

«Вот, небось, сам слышал, как солдаты, наши славные боевые бойцы говорили... Едут чеченов убивать. И того, кто тебя распял, тоже убьют. А вот если бы он мне попался, я, знаешь, Сашка, не стал бы его губить. Я только в глаза посмотрел бы:

Анатолий ПРИСТАВКИН: ВСЮ ПРАВДУ

зверь он или человек? Есть ли в нем живого чего? А если бы я живое увидел, то спросил бы его, зачем он разбойничает? Зачем всех кругом убивает? Разве мы ему чего сделали? Я бы сказал: «Слушай, чечен, ослеп ты, что ли? Разве ты не видишь, что мы с Сашкой против тебя не воюем? Нас привезли сюда жить, так мы и живем, а потом мы бы уехали все равно. А теперь, видишь, как выходит... Ты нас с Сашкой убил, а солдаты пришли, тебя убьют... А ты солдат станешь убивать, и все; и они, и ты — погибнете. А разве не лучше было то, чтобы ты жил, и они жили, и мы с Сашкой тоже чтоб жили? Разве нельзя сделать, чтобы никто никому не мешал, а все чтоб жили?»

Вы полагаете, что психологически верно передали душевное состояние подростка, у которого так жестоко убили его брата?

— Дети всегда и неизменно добрее, интернациональнее, чем взрослые. Я это убеждение пронес через всю жизнь. В детстве мы не знали, кто из нас какой национальности. Для нас это не имело никакого значения. Мы объединялись, но совсем не по принципу общей национальности. Просто объединение было для нас средством самозащиты от жестокого мира взрослых, где царствовал сталинизм. Чтобы не умереть с голоду—воровали. Мы прятали друг друга и защищали. А кто нас защитил бы еще? Я защищал татарина Мусу, Муса защищал меня. Еще у меня был близкий друг чеченец. И армянин Кристик. Я дружил с ногойцем, дружил с девочкой-немкой по фамилии Гросс. В томилинском детдоме моим лучшим другом был еврей Мотя... Личные отношения, симпатии и привязанности, конечно, существовали. И я не придумал объединение моих героев. Вот так же и мы в детстве объединялись и выручали друг друга, чтобы выжить.

— Анатолий Игнатьевич, есть в вашей повести и другая сцена — сцена в бане, и встреча с теми, кто по воле Сталина нес зло людям. Их вы не прощаете и на их покаяние не надеетесь: «И сплывавшая в баних ли, в пивных ли, они соединяют с глухим звоном немые кружки и пьют за свое здоровье и свое будущее. Они верят, что не все у них позади...» Не потому ли мы никак не избавимся от всех последствий сталинизма, что никак не выговорим до конца всю правду о нем и не называем имен всех, кто совершал преступления против народа?

— Все-какие имена стали называть. Но нельзя же скатываться до новых репрессий. Потому что так ведь и снова могли бы полететь головы невиновных. Мы ведь все всегда делаем с перегибами. Но общественный суд, может быть, нужен... Называть людей, виноватых перед народом, перед нашим обществом, надо. Ведь если мы до конца не разберемся со своим давним и недавним прошлым, то как же мы будем воспитывать наших детей? Неправдивые взрослые не могут воспитывать

правдивых детей... Если ребенок видит вокруг себя ложь и насилие, немисливо воспитать его нормально.

— Определенная часть людей не может скрыть своей тоски по прошлому и своего страха перед правдой и гласностью. Нас пытаются уверить, что мы-де еще «не созрели», чтобы писать о Сталине, что еще не пришло время, что нужно подождать. Как вы относитесь к этому?

— При Сталине о беззакониях молчали, потому что за попытку сказать правду сажали и убивали. При Брежневе о Сталине молчали, потому что не было заинтересованности в гласности и каких-либо переменах. Теперь бы помолчать потому, что мы еще «не созрели», «нет достойных талантов». Можно придумать еще сто причин. Но есть

одна-единственная причина, по которой о Сталине, механизме сталинизма говорить необходимо: если мы хотим построить демократическое, правовое, гласное общество, мы должны сказать всю правду о самих себе. Иначе из поколения в поколение будет передаваться ложь, потому что полуправды не бывает, есть правда и неправда. И дети, видя полуправду-полуложь, не смогут развиваться как цельные, свободно мыслящие личности. Мы не найдем контакта с молодежью, с новыми поколениями. А если они не будут верить нам, они не примут перестройку, значит, она будет обречена на провал. Люди, стремящиеся наложить запрет на правду, тащат нас назад. Практически они подрывают перестройку... Они хотят, чтобы все острые проблемы подлинной демократизации были окружены тайнами и запретами, то есть сокрыты от народа...

Но не усыплять надо народ, а будить его к активной жизни.

— Давайте вернемся к письмам, которые вы получаете.

— Писем множество. Пишут бывшие детдомовцы, рассказывают о своей жизни. Пишут представители разных национальностей. Пишут люди самых разных профессий, но чаще всего интеллигенция.

Пишут, что в аппарате Чечено-Ингушского обкома и местной печати дали негативную оценку моей книге. Кроме того, Раиса Ахматова, народная поэтесса Чечено-Ингушетии, заявила в прессе, что-де пока местные авторы дремлют, чужие пишут совсем не то, что им нужно. Вот такое разделение! Она меня не своим, а чужим считает, хотя я ее коллега и нас общие гуманные идеи должны объединять.

Есть письма от антисталинистов и сталинистов. Сталинисты обвиняют меня в том, что я «запродался ЦРУ». Один из них заявляет: «Вы идете по стопам Солженицына. Я сам двадцать лет проработал в лагере и считаю, что таких гадов, как вы, нужно было давно всех перевешать...»

А вот один работник МИДа спрашивает меня: стоит ли обвинять в совершенных преступлениях всех сталинистов, если они были лишь исполнителями приказа, то есть не более, чем винтиками общей системы? И любой бы из нас делал то же самое на их месте, утверждает он. Но я могу ответить на это: да, были те, кто сажал, и были сажаемые, которые не хотели сажать других. И, может быть, их именно потому и сажали, что они не хотели сажать других...

— То есть человек может не поддаваться обстоятельствам и оказывать сопротивление, сберегать достоинство даже в самой бесчеловечной ситуации?

— Ну естественно. Моя повесть — тоже, полагаю, есть факт сопротивления безжалостности, бесчеловечности...

Беседу вела
Наталья ПОПОВА.